

СУД ТВОРИВШИЙ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА)

Чем ожесточеннее борьба классов, тем активнее сатира. Причем, создаются не только новые сатирические образы, но берутся на вооружение уже созданные ранее, известные читателям и зрителям. К такому приему часто прибегали поэты «атакующего класса», когда наша родина начала свое шествие к первой революции. Поэты пролетариата, разоблачая политику царизма, ее вдохновителей и исполнителей, называли конкретные имена, сравнивали их с известными сатирическими героями классической литературы.

Вот один из многочисленных примеров. В стихотворении «Издали» говорится о министре финансов Витте:

Сергей Львович Витте-
Кречинский у нас
Государственный вор
для картины.
Ты в царевом венце — самый
ценный алмаз.
По тебе, ах, как плачут осины!
Залезал ты во всякий дырявый
карман,
Ты за пазухой шарил народной.
При тебе мироед толст и весел,
и пьян,
Мрет зато мужичонка голодный!
Много глоток крикливых
заткнуть ты умел,
И, как Чичиков, души скупая,
Ты, как шулер, всегда был
находчив и смел,
Ванька-Кайн родимого края!
(Сборник «Революционная поэзия»).

В этом небольшом отрывке — три литературных образа: Ванька-Кайн, Чичиков и Кречинский. Каждый из них, как говорится, стоит друг друга. Где Чичиков, там и кайнство, предательство. Предательство и там, где Кречинский.

Кречинский? Может, молодые читатели не знают откуда он.

Так вот, Михаил Васильевич Кречинский — одно из главных (тут надо писать «действующих», но хочется сказать «мошенничающих») лиц комедии Александра Васильевича Сухо-

во-Кобылина (1817—1903), написанной в 1851 году. Впервые эта пьеса была поставлена 28 ноября 1955 года в Московском Малом театре. С тех пор она не сходит со сцен театров.

Из воспоминаний многих мастеров сцены видно, что «Свадьбу Кречинского» театры ставят с охотой, актеры играют с удовольствием. А зрители? Они до сих пор смотрят этот спектакль с интересом, получают эстетическое наслаждение.

Драматург создал «Свадьбу Кречинского» не столько для того, чтобы держать зрителя в напряжении или заставлять его смеяться. Его, человека мыслящего, волновали большие вопросы современной ему действительности. А действительность эта — 50-е годы XIX века. К тому времени дворянство (Кречинский — дворянин, был вхож в высшее общество) расплачивалось за свой вековой паразитизм.

Кречинский, промотав наследство и имея университетское образование, и думать не хотел о труде. Но нужны деньги. И Кречинский пустился во все тяжкие. Он красив, обходителен (чему-чему, а светским манерам его научили). Вот почему не только действующие лица пьесы, сталкивающиеся с ним, но и зрители не сразу принимают его за того, кто он есть. А замыслы его подлые: узнав, что прибывшие в Москву Муромские — богатые помещики, он решил притвориться влюбленным в Лидочку, прибрать к рукам приданое и снова начать игру в карты, вести прежний образ жизни.

«Свадьба Кречинского» кончается традиционно: порок наказан, добродетель торжествует. Но драматург прекрасно понимал, что так бывает только в романах и пьесах, а в действительности нередко зло ходит с гордо выпяченной грудью.

В 1861 году появляется новая пьеса «Дело». Она — продолжение пьесы «Свадьба Кречинского». И в то же время — это

вполне самостоятельное произведение. «Дело» названо драмой, но не будет преувеличением отнести эту пьесу к разряду трагедии. «Трагическое, — писал Чернышевский, — это ужасное в жизни человека. А что может быть ужаснее гибели честных людей по вине подлецов?»

Подлецы — эта «огромная корпорация служебных воров и грабителей» — встает перед читателем и зрителем в образах «весьма важного лица». А вот что сказано о «важном лице»: «По рождению князь, по службе тайный советник. По клубу приятный человек. На службе зверь».

Зная, что Муромские богаты, что Кречинскому не удалось прибрать их миллион, служебные грабители решили попользоваться. Они приписали Лидию Муромской соучастие в мошеннической проделке Кречинского, пустили про Лидию сплетню о сожительстве с Кречинским. Одним словом, колесо подлости завертелось. Кончилось все это поистине трагически. Лидию они убили морально, ее же отца, обворовав, обогтав, убили физически. И в конце драмы убийцы потирают руки. Еще бы! Все задуманное ими осуществилось. Их бездонные карманы поглотили имущества Муромских.

Третья и последняя пьеса Сухова-Кобылина — «Смерть Тарелкина». Здесь мы встречаемся с одним из героев «Свадьбы Кречинского» — Расплюевым, тем самым, который был на побегушках у Кречинского; Расплюев, видимо, еще в годы отрочества «износил совесть до дыр». Именно поэтому он в 1869 году (пьеса написана в 1869 году) заметно «вырос»: он стал одним из «блюстителей» законности — квартальный надзиратель. Перешли в «Смерть Тарелкина» некоторые «герои» из пьесы «Дело»: Чибисов, Ибисов, Варравин, Тарелкин.

По социальной значимости «Смерть Тарелкина» куда как сильнее комедии «Свадьба Кречинского». Отличается она

и богатством подтекста. Вот одна из сцен. Чиновник Тарелкин, один из активных представителей «корпорации служебных воров», чтоб избежать расплаты с кредиторами и отомстить начальству, которое ничего не дало ему из украденного у Муромского, притворился умершим. Превратившись в Кобылина, он на своих похоронах (в гробу вместо Тарелкина — кукла) произносит речь: «Не стало рьяного деятеля — не стало воеводы передового полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва слышит он, бывало, шум свершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже и кричит: вперед! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявляли прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади!»

Тарелкин и прогресс! Это смешно! Но в этом и трагедия самодержавно-чиновной России. И драматург очень ясно показал: когда впереди прогресса тарелкины — от прогресса остаются одни черепки.

Сильные отрицанием самодержавно-крепостнической действительности 50—60-х годов, пьесы Сухова-Кобылина не дают ответа на вопрос: где выход из положения? Сказалась ограниченность мировоззрения автора. Но само объективное содержание его пьес, этот суд беспощадный над армией чиновных грабителей, служил делу прогресса.

Враги прогресса это понимали, вот почему они не разрешали к постановке ни «Дело», ни «Смерть Тарелкина». «Каждая из моих пьес, — с горечью писал Сухово-Кобылин, — есть процесс, который я должен выиграть против цензуры и прессы».

Процесс против царской цензуры, прессы, против самого царизма давным-давно, еще до появления пьес Сухова-Кобылина, вел русский народ. И народ выиграл этот процесс. Естественно, что в стране, освобожденной от гнили царизма, зазвучало слово талантливого автора трилогии.

И. УХАНОВ.

кандидат филологических наук.